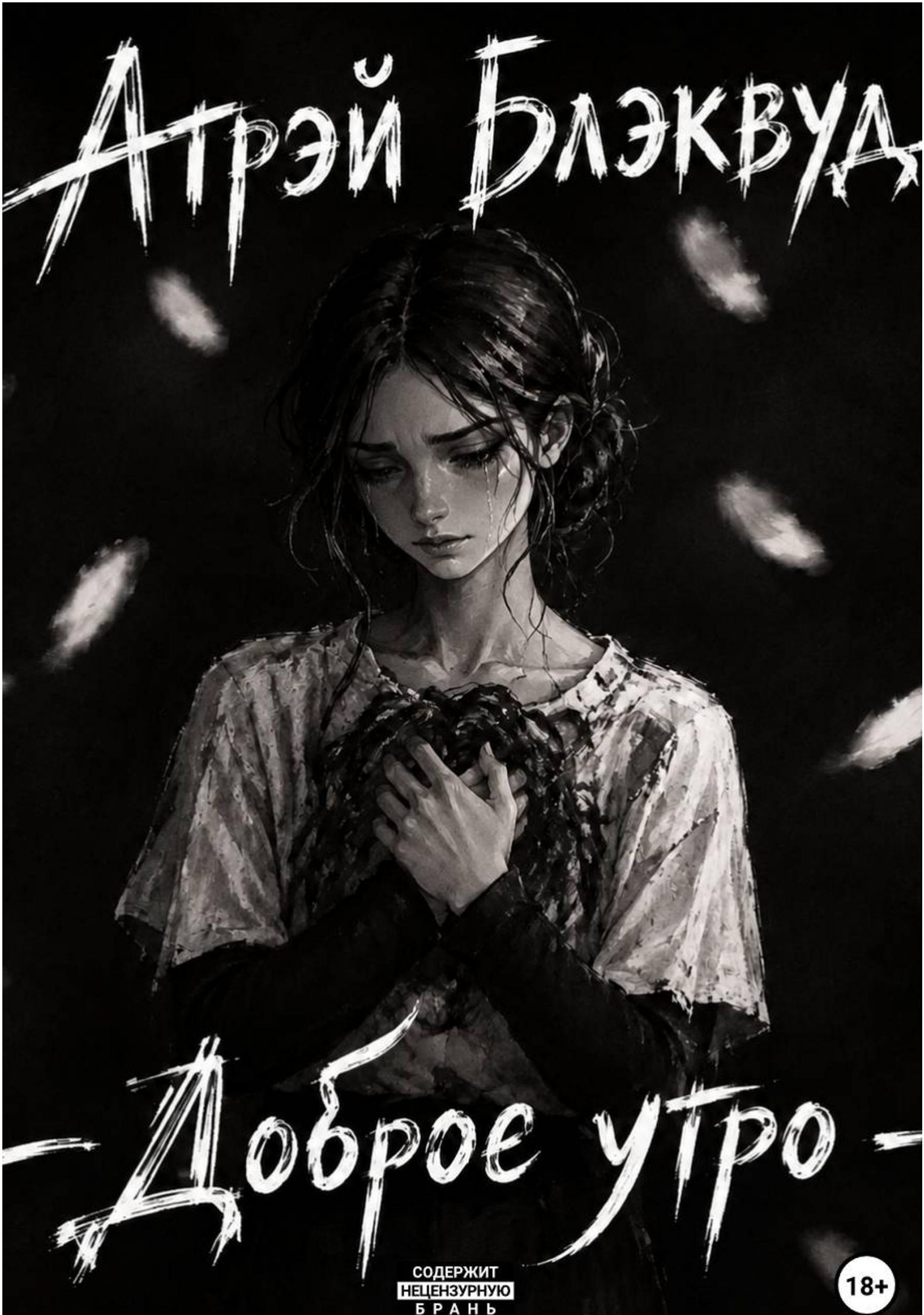
Атрэй Блэквуд

Доброе утро

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Атрэй Блэквуд

Доброе утро

«Автор»
2026

Блэквуд А.

Доброе утро / А. Блэквуд — «Автор», 2026

Оливия растёт в доме, где её существование с самого начала кажется обузой: равнодушная мать, жестокий брат, детство, растоптанное теми, кто должен был оберегать. Девочка учится главному навыку выживания — молчать, не просить и не занимать лишнего места в этом мире. Взрослая жизнь складывается по той же траектории: случайные люди, отношения, похожие на ловушки, и привычка убегать всякий раз, когда кто-то подходит слишком близко. Но однажды в её жизнь входит человек, который каждый день говорит ей «доброе утро, я тебя люблю» — безусловным, будничным теплом, которого она никогда не знала. Это тихая, пронзительная история о том, как детская боль становится фильтром, сквозь который человек смотрит на любовь, и о цене, которую приходится платить за то, чтобы научиться её принимать.

© Блэквуд А., 2026
© Автор, 2026

Доброе утро

Пролог

Запах обнаружили в конце августа. Его было ни с чем не спутать. Соседка с третьего этажа сначала думала, что протухло что-то в мусоропроводе, потом вызывала сантехника, потом, побелев, полицию. Дверь квартиры сто двадцать три вскрыли ломом в четыре часа дня.

Оливия лежала на раскладном диване, свернувшись калачиком, как спят замёрзшие. Она была похожа на осенний лист, который забыли на подоконнике, — такая тихая, тонкая и хрупкая. В стакане на тумбочке стояла одна высохшая гвоздика. Когда-то красная, теперь бурая и лишённая жизни. Ничего больше. Ни записки, ни фотографий, ни чужих следов.

В морге заявили, что умерла она примерно месяц назад. Онкология, четвёртая стадия, — о которой она никому не сказала.

Никто не искал. Никто не звонил. Соседка пожала плечами и сказала: «Тихая была. Здоровалась иногда». Это были единственные слова, сказанные о ней за месяцы, — если не считать тех, что Оливия говорила себе сама, ночами, в потолок, глухим голосом, которого никто никогда не слышал.

Тело кремировали. Урну никто не забрал — было просто некому. Ритуальный агент, скучающий человек с усталыми глазами, поставил её на верхнюю полку в дальнем зале, между урнами двух стариков, переживших своих жён, и подписал: «Оливия Б. 1998–2026».На полке тихо.

Глава 1. Нежеланная

Оливия не должна была родиться.

Об этом знала только Лана — и держала это знание при себе двадцать лет, а потом рассказала, сидя на кухне, с остывшей кружкой в руках и тем особенным блеском в глазах, который у неё означал правду, поданную как победу:

— Я ведь тебя не хотела. Пила всякое. Лазила в горячую ванну. Прыгала с лестницы в подъезде, честно пыталась. А ты здесь...

Она сказала это без раскаяния и жестокости — просто как факт, и в этом была вся её природа. Отец в тот вечер стоял в коридоре, и его силуэт качался, как и всё, к чему он прикасался.

Оливия кивнула. Она делала так на всё в этой жизни — у неё была привычка соглашаться первым движением, чтобы потом, наедине с собой, разбирать, что же она только что приняла.

Роды были тяжёлыми. У ребёнка случилось внутричерепное кровоизлияние, и она чудом выжила — так потом объясняла Лана. Новорождённая выжила, но заболела: ножки не слушались, когда она ползла, и тело кренилось вбок, как у маленького сломанного парусника.

Оливия кричала. Первые полтора года жизни она плакала почти не переставая — от боли в голове, в ногах, от того, что боль была единственным, что мир дал ей. Крик заполнял квартиру, словно вода в трюме.

Джон не выдержал.

Ему было семь. У него уже были те же глаза, что у матери — ровные, внимательные, не подходящие для его лица. Этот взгляд, который через годы будут называть в разных кабинетах разными словами: «расстройство поведения», «отсутствие эмпатии», «девиация». Семилетний мальчик, который разглядывал людей, будто механизмы: что там внутри, где ломается, что будет, если надавить или ударить?

Мальчик не понимал, отчего орёт эта тварь в колыбели. Он устал. День был длинный, Лана не приходила, крик не останавливался. Джон поднял маленькую сестру и швырнул на пол, словно будильник, который мешает спать.

Ребёнок ударился головой о линолеум и замолчал.

Джон облегчённо выдохнул — впервые за вечер.

Позже Лана нашла Оливию на полу — совершенно белую. Джон объяснил спокойно, глядя в глаза: «Она кричала. Я хотел, чтобы перестала».

Она замолчала. На всю жизнь. Оливия многого не делала — не жаловалась, не просила, не позволяла себе кричать. Семя того вечера проросло в ней незаметно: она всю жизнь будет разговаривать с миром полушёпотом, будто за стеной спит кто-то, кого нельзя будить.

Лана повезла её по врачам — отчасти из любви, отчасти из стыда, а может, потому, что хромая дочь была неудобна для показа. Лечение длилось годы: массаж, гипс, корсеты, больницы, страшные процедуры, после которых Оливия возвращалась серой и тихой. Лана вкладывала в это деньги, нервы и всю остаточную нежность, на которую была способна, — и потому считала себя матерью года. Ей и в голову не приходило, что между «лечить» и «любить» лежит пропасть и что Оливия, задыхаясь, как раз на дне этой пропасти и живёт.

К девяти годам Оливия ходила. Почти ровно, чуть-чуть враскоряку, как ходят после долгой болезни. Ей никто не аплодировал — все привыкли. Она и сама не радовалась: делать это она разучилась раньше, чем начала осознавать.

Глава 2. Чулан

Братья бывают разными. Джона братом назвать было сложно.

Его жестокость не была вспышкой или местью. Он бил Оливию с интересом и смотрел, что будет. Он запирал её в тёмном чулане, со старыми лыжами, банками краски и запахом скипидара, садился напротив двери и слушал.

Сначала она плакала и просила. Потом звала маму — Лана была в комнате через стенку и слышала всё, но у неё была своя философия: «Не связывайся, он сам успокоится». Потом девочка переставала издавать хоть какой-то звук, садилась на пол, обняв колени, и ждала.

Час. Два. Иногда до ночи.

В темноте она придумала себе правило: не думать о том, сколько прошло. Думать о чём-нибудь маленьком. Считать трещины на досках. Пересказывать себе сказку. Считать удары сердца — сто ударов, значит, сто секунд, а сто секунд — это совсем немножко.

Это правило она сохранит на всю жизнь. Вся её взрослая жизнь будет построена на нём. Ждать и думать только о себе...

А то, что случилось с ней позже, — то, что сделал с ней Джон, — она назвала для себя словом «это». Без определения. «Это» случилось, «это» было нельзя, «это» нельзя рассказывать, «это» она вынесет в себе с болью, и будет ненавидеть его всю оставшуюся жизнь.

Через год с ней перестала общаться лучшая подруга Мия. Она просто подошла и сказала шёпотом: «Все уже знают, что ты грязная».

Оливия ничего не ответила. Через месяц Мия нашла другую подругу и забыла. Люди забывают быстро — в этом их милосердие и их ужас. Хотя не всем такое дано. Некоторые носят всё с собой, копят год за годом и живут с болью в сердце.

Глава 3. Очки и скобы

Школа добила начатое.

Оливия пошла в школу позже сверстников — в девять, когда наконец научилась ходить, — в дешёвых колготках с заштопанным носком. Дети — существа честные до жестокости: они мгновенно вычисляют слабое и выстраивают вокруг него каркас издёвок.

«Хромая». «Очкастая». «У неё мама шлюха». Это последнее она услышала в третьем классе, от мальчика. Оливия не отреагировала. Она просто кивала, как всю свою жизнь, и дети восприняли это как подтверждение и приглашение продолжать.

В четвёртом классе зрение упало окончательно: минус три с половиной на левый глаз, чуть меньше на правый. Большие очки в дешёвой аптечной оправе, какие выдают тем, у кого нет денег на нормальные. Лицо за ними исчезало; оставались только стёкла в проволочных оправах, за которыми был человек, которого никто не собирался рассматривать.

В двенадцать — брекеты. Лана поставила их не из заботы, а из принципа: «У Карен зубы будут красивые, и у тебя будут, чего ты». Они тоже не красили: железная решётка на зубах, шепелявость первые месяцы, слюна на губах, дети у столовой делали характерное шипящее звукоподражание — «с-с-с, змея».

Оливия научилась улыбаться с закрытым ртом. Потом — просто не улыбаться, вообще не двигать лицом, чтобы не дать им ни одного повода: ни слёз, ни гримасы, ни надежды. Её лицо стало гладким, словно выключенный экран.

Дома тем временем шла своя война. Отец пил так, что алкоголь перестал быть событием и стал атмосферой. Он таял на глазах. Медленно, по капле, день за днём превращаясь из человека в функцию, которая иногда стонет в прихожей.

А потом Лана ушла к брату отца, дяде Нику, и стала жить с ним, заезжая к детям по потребности. Официального развода она не оформляла из хозяйственности: квартира, прописка, доля.

Оливии было тринадцать. Она сидела на кухне, когда Лана, собирая сумку, сказала ей:

— Мы с дядей Ником решили жить вместе. Твой отец согласился. Ты не глупая, поймёшь.

И добавила, уже в дверях, с той гордостью, которой Оливия потом будет брезговать до тошноты:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.